Сергей ПАХОМОВ,
доктор экономических наук

Экономический либерализм православия

ЦЕРКОВЬ, МОНАСТЫРИ И ЗАЙМЫ В СРЕДНЕВЕКОВОЙ РУСИ

На Руси, очевидно в силу господства православия, не действовал канонический религиозный запрет на взимание процентов по ссудам, более того, сами монастыри были ведущими заимодавцами, своеобразными экономическими, торговыми и финансовыми центрами, регулярно и в больших масштабах занимавшимися ссудной деятельностью, ссужая всем классам русского общества деньги, продукты питания, инвентарь и посевной материал, лошадей и скот, одежду и воинские доспехи. Православие стремилось лишь ограничить уровень ссудного процента через церковные проповеди и постановления церковных соборов.

В то время как бояре и служилые дворяне теряли свои вотчины, беднели, неся бремя военной службы, монастыри накапливали огромные богатства, постепенно приобретая землю других групп населения, часто опутывая их ссудами. Именно земельные угодья рассматривались русскими монастырями как наиболее безопасный и продуктивный вид вложения своего капитала.

ВОЗВЫШЕННОЕ И МИРСКОЕ: ЕДИНСТВО ПРОТИВОПОЛОЖНОСТЕЙ

Рыночная площадь и церковь в средневековой Руси, как, впрочем, и во всем мире во все эпохи, географически совпадали. Церковная площадь здесь являлась одновременно и рынком, как в Западной Европе. Начиная со времени Древнего Востока и античности храм и площадь перед ним были теми нейтральными местами, где прекращалась вражда и торг проходил под защитой божества, приобретая сакральный характер. Слово «погост» означало в русском языке как торжище (от «гостьба» — торговля), так и место, где находится церковь и кладбище. Духовные лица, пользуясь физической близостью к рыночной площади, сами же и торговали, и давали деньги в рост. Епископу Нифонту, пытавшемуся еще в середине XII века обуздать ростовщическую деятельность церквей и монастырей, принадлежит крылатое выражение: «Если поп не перестает давать в рост, скажи, что ему недостойно служить». В Новгороде сам владыка через посредников активно вступает в торговлю с иностранными купцами, сбывая им продукцию, производимую на церковных землях и в монастырях. Как видно, это была практика, аналогичная западноевро-

пейской, когда Папа Римский, патриархи, епископы, монастыри, монашеские ордена, католическое духовенство всех степеней занимались торговлей и ростовщичеством, накоплением земельных богатств[1].

СПАСЕНИЕ ДУШИ КАК СПОСОБ НАКОПЛЕНИЯ НЕДВИЖИМОСТИ

Монастыри на Руси, наряду с доходами от своих крестьян, земель и всевозможных промыслов, обладали доходами принципиально иного рода в виде вкладов, жертвуемых, чтобы «устроить свою душу на вечное поминовение» и таким образом спасти ее от адских мук. Жертвователи путем денежного или земельного вклада добьются душам своим спасения в день Страшного суда — так проповедовала Церковь. В результате основой экономического могущества монастырей был прогрессирующий рост монастырского землевладения на протяжении XV–XVII веков. Монастырям постоянно «жаловали» земельные угодья. Источником «пожалований» была как царская власть (особой щедростью отличался Иван Грозный, небезосновательно озабоченный спасением своей собственной души), так и богатые землевладельцы, завещавшие монастырям свои вотчины «на вечное поминовение» или при пострижении в монахи в преклонном возрасте. Во времена опричнины многие бояре предпочитали завещать вотчины монастырям, опасаясь царской казни и конфискации имений. Вклады Ивана Грозного в несколько монастырей составляли 25 тыс. руб., половина из них приходилась на Троице-Сергиеву лавру. Одна из описей имущества лавры показала, что в казне монастыря было 14 тыс. руб. денежными средствами, и, помимо этого, значительная сумма находилась в ссудах. В Кирилло-Белозерский монастырь царь сделал денежный вклад в 29 тыс. руб. Общий объем денежных вкладов этого монастыря за период 1550–1625 годов составил 80 тыс. руб., в то время как доход монастыря от хозяйственной деятельности не превышал 1 тыс. руб. в год. Вклады в монастыри делали и представители трудящихся классов — крестьяне, кузнецы, шорники, мясники, плотники, в том числе речь шла про вклады своим кабальным трудом. Крестьянин Прохор Суботка «дал на себя кабалу в казну 10 руб., служиши ему за вклад 10 лет», то есть кабала служит обеспечением его безвозмездной работы на монастырь в течение 10 лет. В другом случае «тружался за вклад мельничный мастер... за 6 руб. ставил в монастыре новую мельницу».

ЦАРСКАЯ МИЛОСТЬ И ЦАРСКИЙ ГНЕВ

Три четверти монастырских земельных приобретений происходили в этот период именно таким образом. Покупка монастырями земель имела эпизодический характер. Николаевский-Корельский, Михаило-Архангельский, Антониев Сийский, Кирилло-Белозерский, Троице-Сергиевский монастыри превратились в крупнейших землевладельцев. В результате этого процесса вотчины уходили из рук служилого класса в монастыри, что вынуждало царскую казну постоянно поддерживать военно-служебную годность дворян повышением поместных и денежных окладов. Кроме того, ряд монастырей, несмотря на такие пожертвования, находился в запустении, обряды поминовения души зачастую не исполнялись. Иван Грозный отметил это и обратился в 1551 году к Церкви с настоятельным вопросом: «В монастыри боголюбцы дают душам своим и родителям на поминок вотчины и села... И поимали много по всем монастырем... Где те прибыли и кто тем корыстуется? <...> Кто о сем истязан будет в день Страшнаго суда?»[2]

Учитывая реальную опасность быть «истязанными» в ходе не столько суда Страшного, сколько суда царского, монастыри стали рачительно относиться к своим землям, не допуская их запустения. В Московском уезде в 1585–1586 годах монастырям принадлежало 37% учтенной пахотной земли, но на их долю одновременно выпадало 60% обрабатываемой пашни. В центре Московского государства преобладало монастырское, а не боярское землевладение. Характерной чертой этого типа землевладения было то, что, однажды попав в монастырскую собственность, земля оставалась в ней навечно, ввиду действия принципа неотчуждаемости монастырских и церковных земель. Раз земля

ВО ВРЕМЕНА ОПРИЧНИНЫ МНОГИЕ БОЯРЕ ПРЕДПОЧИТАЛИ ЗАВЕЩАТЬ ВОТЧИНЫ МОНАСТЫРЯМ, ОПАСАЯСЬ ЦАРСКОЙ КАЗНИ И КОНФИСКАЦИИ ИМЕНИЙ

[1] Кулишер И.М. История русского народного хозяйства. 2-е изд. — Челябинск: Социум, 2004. — С.113–114.

[2] Российское законодательство X–XX веков. В 9 т. Том 2:. Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства / Под ред. О.И. Чистякова.— С. 271.

давалась вкладчиком или завещателем на вечное поминовение души «доколе мир стоит», то и сами эти вклады должны были быть вечными и не подлежали обратному выкупу родственниками вкладчиков. Монастыри заставляли вкладчиков и завещателей вносить в соглашение прямой запрет на выкуп земельного вклада их родственниками. Часто соглашение о займе под залог земли предусматривало, что в случае неуплаты в срок земля превращалась немедленно в собственность монастыря-кредитора. Долговая грамота одновременно являлась и купчей на землю: «Ино ся кабала и купчая грамота ввек», то есть навечно. Такова была стандартная ссудная практика Кирилло-Белозерского монастыря.

Царская власть, озабоченная процессом быстрого обезземеливания служилых «государевых людей», ввела иной способ обеспечения «вечного поминовения и спасения души» — денежный вклад вместо земельного. Собор 1573 года распространил эту меру на все княжеские и боярские вотчины, запрещая их передачу во вклад в монастыри, чтобы «в службе убытка не было и земля бы из службы не выходила». В 1580 году церковный собор с участием бояр постановил: архиереям и монастырям вотчин у служилых людей не покупать, в заклад и в поминовение души не брать. Вотчины, купленные или взятые в залог у служилых людей, отобрать в царскую казну. «А заплатит государь за них или нет — его воля»[1].

Однако монастыри перешли к покупке земель. Наиболее крупные из них продолжали успешно увеличивать свой «земельный банк». Кирилло-Белозерский монастырь активно скупал в 1564–1572 годах земли на севере и в центре Руси. Троице-Сергиевский монастырь с 1515-го по 1588 год приобрел земельных участков более чем на 15 500 руб., что являлось в то время огромной суммой и свидетельствует о размере денежного богатства монастыря. Земельные владения монастыря присутствовали в 31 волости. Еще одним способом увеличения земельного богатства монастырей была ссудная деятельность и осуществление залоговых операций. Так, Архангельский монастырь на Устюге в 1624–1648 годах совершил 50 сделок по приобретению земли, 47 из которых были реализацией права залога. Стоимость земли составила около 7 тыс. руб. Троицкий монастырь в тот же период аналогичным путем в ходе реализации 42 залоговых сделок приобрел земли на 4 тыс. руб.[2]

ТРОИЦЕ-СЕРГИЕВСКИЙ МОНАСТЫРЬ ПРИОБРЕЛ ЗЕМЕЛЬНЫХ УЧАСТКОВ БОЛЕЕ ЧЕМ НА 15 500 РУБ.

ДЕНЬГИ–ЗАЙМЫ–ДЕНЬГИ: КРУГОВОРОТ МОНАСТЫРСКОГО КАПИТАЛА

Так русские православные монастыри путем сосредоточения под своим контролем крупных земельных владений, получения денежных пожертвований и вкладов к XVI веку стали крупнейшими кредиторами, практически банками, снабжавшими займами князей, помещиков, бояр, торговцев и крестьян. Монастыри были слишком рачительными хозяевами, чтобы удержаться от соблазна использовать свое огромное богатство для его приумножения. Сложился целый жанр «обличительной» богословской литературы, существовавшей в форме памфлетов. «Обличители» XVI века настойчиво повторяли, что монастыри, вопреки всем церковным правилам, активно отдавали деньги в рост, особенно своим крестьянам, используя ссуду как инструмент прикрепления к монастырской земле. Один из таких «обличителей» — князь-инок по имени Вассиан Косой изображает монастыри крайне суровыми заимодавцами, безжалостно налагавшими «лихву на лихву» (проценты на проценты), отнимавшими у несостоятельных должников скот, сгонявших их с земли вместе с семьями, доводившими через суд до окончательного разорения. Это обвинение «в заимоданиях многолихвенных» было поддержано в ходе церковно-земского Стоглавого собора в 1551 году с участием Ивана Грозного, который был посвящен назревшей реформе в отношениях Православной церкви и государства. Он проводился в форме вопросов царя по острым проблемам в отношениях между Церковью, властью и обществом и последующих развернутых ответов участников Стоглава, изложенных в форме 100 отдельных глав. (Отсюда и произошло название собора «Стоглавый».) Царь Иван Грозный жестко поставил вопрос под номером 16: «О церковной и о монастырской казне, еже в росты дают. Угодно ли се богови, и что писание о сем глаголет?

[1] Ключевский В.О. Сочинения в 9 т. Курс русской истории. — Т. 2. — М., 1988. — С. 269.

[2] Кулишер И.М. История русского народного хозяйства. 2-е изд. — Челябинск: Социум, 2004. — С. 228–232, 235.

Божественное писание и мирянам резоимство возбраняет, нежели церквам божиим денги в росты давати». Отцы Церкви ответили постановлением, предписывающим архиереям и монастырям давать хлеб и деньги своим крестьянам в долг без роста, чтобы крестьяне не убегали и чтобы монастырские села не пустовали. «А что святительские казенные денги в росты дают и хлеб в наспы, такоже и монастырские казенные денги дают в росты и хлеб в наспы, и о том божественное писание и священные правила не токмо епископом <...> и всему священническому и иноческому чину возбраняют, но и простым не повелевают резоимство и лихву истязати»[1].

Однако, несмотря на решение Стоглавого собора, монастыри по причине своего земельного и денежного богатства неизбежно «превращались из убежищ нищей братии в ссудолихвенные конторы». Такими уже в конце XVI века были Высоцкий, Серпуховский, Левкиев, Возьмицкий, Селижаров, Покровский, Юрьевский монастыри, Троице-Сергиева лавра. Они активно кредитовали князей. Князь Гундоров занял у Спасо-Ефимьева монастыря 74 рубля, 8 лошадей, 4 доспеха и прочих припасов еще на 54 руб. Боярин Хабаров взял в долг 150 руб., 3 кафтана, 16 лошадей и 200 четвертей ржи. Монастыри широко одобряли ссуды крестьянам, особенно Троице-Сергиев и Кирилло-Белозерский монастыри, которые давали в рост небольшие суммы — от полтины до 20 руб. В 1601 году в Кирилло-Белозерском монастыре значилось 154 кабальных договора, по которым следовало получить 692 руб. К неплатежеспособным должникам применялся «правеж» — их ежедневно выводили на площадь перед приказом и били прутьями по икрам ног. Если в течение месяца «правеж» не давал желаемого результата, должника выдавали «с головой» кредитору для отработки долга. Кредитор брал на себя обязательство не увечить и не убивать должника. В приходных книгах Болдина Дорогобужского монастыря найдено большое количество записей о платежах по займам, полученным от монастыря. Должниками являются преимущественно крестьяне, за год обнаружено 25 таких записей. «Дано Семену Парфенову в заем 2.5 руб. денег, а взято на Семена в тех денгах для веры память до сроку за ево рукою в 5 руб». В 1694 году некий Михаил Кононов отдал в оплату долга свое заложенное имущество казанскому митрополиту — поместную землю с двором и 9 крестьянскими дворами, урожай зерновых, более 50 голов крупного и мелкого скота, 5 плугов железных и даже большой чан. Запись гласит: «...и впредь мне, Михаилу, и жене моей, и детям, и внучатам, и родственникам до того дворового строения, и до лошадей... и до того хлеба дела нет...» Опись имущества Троице-Сергиевой лавры показала, что монастырь, помимо денежных ссуд, отдал в натуральные ссуды крестьянам тысячи мер зерна, тысячи пудов меда, несколько тысяч лошадей и крупного рогатого скота. Барон Герберштейн, посетивший с дипломатической миссией Россию как раз в период царствования Ивана Грозного и оставивший записки о своих путевых впечатлениях, заметил по поводу российской практики займов, в том числе монастырских: «Отдача денег на проценты во всеобщем употреблении; хотя они говорят, что это большой грех, однако почти никто не отказывается от процентов. Проценты почти невыносимы, именно с пяти рублей всегда берут один, то есть двадцать со ста. Церкви, как было сказано, поступают снисходительнее, получая (как они говорят) десять за сто»[2]. Однако из практики Кирилло-Белозерского монастыря известно, что стандартная ставка по монастырским займам составляла 20% годовых, в течение пяти лет долг удваивался за счет процентов. Отработать такую кабалу не было никакой реальной возможности, и крестьяне неизбежно превращались в монастырских крепостных, лишенных своей земли. Уже упомянутый Вассиан Косой писал, обличая ссудную деятельность Церкви: «И если должники не имеют сил отдать нам лихвы, то мы без жалости лишаем имущества, отнимаем у них коровку или лошадку, а самих с женами и детьми, как поганых иноверцев, далеко прогоняем от своих пределов, а иных, предав княжеской власти, доводим до конечного разорения»[3].

НЕСМОТРЯ НА РЕШЕНИЕ СТОГЛАВОГО СОБОРА, МОНАСТЫРИ «ПРЕВРАЩАЛИСЬ ИЗ УБЕЖИЩ НИЩЕЙ БРАТИИ В ССУДОЛИХВЕННЫЕ КОНТОРЫ»

[1] Российское законодательство X–XX веков. В 9 т. Том 2:. Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства / Под ред. О.И. Чистякова. — С. 271, 354.

[2] Записки о Московии барона Герберштейна. — С.-Петербург, 1866. — С. 93.

[3] Кулишер И.М. История русского народного хозяйства. 2-е изд. — Челябинск: Социум, 2004. — С. 525–534.

Ключевский В.О. Сочинения в 9 т. Курс русской истории. — Т. 2. — М., 1988. — С.257–258.